ВЕСТНИК КРАСНОДАРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИНСТИТУТА КУЛЬТУРЫ №1(34), 2023

Исторические науки

УДК 94

Е.В. Храброва

Храброва Екатерина Вячеславовна, заместитель директора по учебной работе Колледжа права, экономики, управления (Краснодар, ул. Ставропольская, 216/1), e-mail: sleptcovakatrin@mail.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ОРГАНОВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ПО БОРЬБЕ С БАНДИТИЗМОМ И КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ НА СТАВРОПОЛЬЕ И КУБАНИ В 1920–1925 ГГ.

Начало 1920-х годов памятно для жителей Северокавказского региона. Именно этот период на Ставрополье и Кубани, в связи с началом изгнания белогвардейских формирований и установления советской власти, характеризовался активным противостоянием населения и власти. И память о нем жива до сих пор. Этот период историки назвали по-разному: и временем «бело-зеленого» движения, и временем «красного террора». Происходившие процессы именовались «повстанчеством» и сопровождались разгулом преступности. Проводимая взявшей власть партией РКП(б) политика продразверстки, борьбы с белогвардейским движением, классовыми врагами и т.д., сопровождавшаяся частыми случаями насилия, породила ответное повстанческое движение, ориентированное на уничтожение Советской власти. В борьбе с ними власть использовала жестокие методы его

подавления, одновременно ведя и сложную борьбу с уголовщиной и бандитскими проявлениями.
Ключевые слова: «Бело-зеленое движение», гражданское противостояние, заложничество, красный террор, уголовщина, ЧК.

E.V. Khrabrova

Khrabrova Ekaterina Vyacheslavovna, deputy director for academic affairs of the College of law, economics, management (216/1, Stavropolskaya st., Krasnodar), e-mail: sleptcovakatrin@mail.ru

ACTIVITY OF THE EXTRAORDINARY BODIES OF SOVIET POWER TO COMBAT BANDITRY AND COUNTERREVOLUTION IN STAVROPOL AND KUBAN IN 1920–1925

The early 1920s are memorable for the inhabitants of the North Caucasus region. It was this period in Stavropol and Kuban, with the beginning of the expulsion of the White Guard formations and the establishment of Soviet power, which was characterised by active confrontation between the population and the authorities. And its memory is still alive today. This period has been variously named by historians: both as the time of the «white-green» movement, and as the time of the «red terror». The processes that took place were called «insurgency» and were accompanied by rampant criminality. The policy of prodrazverstka carried out by the RCP(b) which seized power, the fight against the White Guard movement, class enemies, etc., accompanied by frequent violence, gave rise to a counter-insurgency movement oriented towards the destruction of Soviet power. The authorities used brutal methods to suppress it, while at the same time waging a difficult struggle against criminality and banditry.
Key words: «White-green movement», civil confrontation, hostage, red terror, criminalism, Cheka.

Тема данной статьи является актуальной, особенно в свете продолжающейся Специальной военной операции Вооруженных сил Российской Федерации по освобождению русского мирного населения Новороссии, которое на себе испытывает жесточайшее угнетение националистических властей Украины, терроризирующих местных жителей как с помощью бандитствующих националистических и даже армейских подразделений украинской армии, так и наемников из разных государств. Местное население всячески запугано и подвергается беспардонным издевательствам, грабежам, арестам по любому поводу, берется в заложники и используется в качестве живого щита.

Фактически в военных условиях Вооруженные силы России и органы правопорядка очищают освобожденные и вновь принятые в состав России области от бандитов, уголовников, вражеских диверсантов и террористов, с которыми ведется и будет вестись непримиримая борьба.

К сожалению, в более чем тысячелетней истории России такого рода трагичные явления, ситуации, возникали и ранее, когда государственная власть слабела или вовсе уничтожалась в ходе различного характера смут и революционных катаклизмов.

Но здесь параллели заканчиваются, поскольку после захвата власти вооруженным путем на Кубани и Ставрополье, несмотря на сложную обстановку, большевики не оказывали никакого националистического давления на местное население, никому не запрещали говорить на родном языке. Власти и армия не грабили своих граждан. Никто не подвергался опасности из-за своей национальной принадлежности. Противостояние здесь изначально имело совершенно иную подоплеку – классовую и идеологическую борьбу.

Так, начало 1920-х гг. в России в целом и на Кубани в частности было характерно глубоким кризисом российской государственности и расколом общества, которые, в свою очередь, ввергли это общество в состояние «борьбы всех против всех».

Историография исследований повстанческого движения и борьбы с послереволюционной волной бандитизма на Кубани и Ставрополье обширна. Открытие архивов для массового исследователя позволило обновить источниковую базу. С начала 1990-х гг. отечественные историки ведут интенсивную работу по изучению истории Гражданской войны и первых лет Советской власти на Кубани и Ставрополье.

Кроме того, продолжаются исследования в области развития конфликтов между разными партийными организациями РКП(б) на первом этапе их массового возникновения после взятия большевиками власти в Северокавказском регионе [4], осмысливаются причины изменений состава партийных организаций РКП(б) в связи с общественным противостоянием и борьбой с повстанческим движением на Ставрополье и Кубани [5, 6]. Немало работ ученые посвящают изучению становления института «заложничества» в 1920–1921 гг. [7, 8, 14]. Этой теме посвящен ряд статей [13, 15] и диссертационные исследования по вопросам «красного террора» [12], а также исследования повстанческого «бело-зеленого» движения [1], в том числе диссертационные и монографические [16; 17].

Вскоре после начала революции «20 декабря 1917 года Совнарком РСФСР постановил создать Всероссийскую чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем, утвердил ее состав» [9, с. 77-79]. После принятия этого постановления накал противостояния в России стал увеличиваться, в скором времени превратившись в полноценную гражданскую войну.

В целях ослабления противодействия белогвардейских формирований и сочувствующего им населения уже «5 сентября 1918 г. СНК РСФСР принял постановление о «красном терроре», исходя из которого ВЧК и местные ЧК начали брать заложников» [11, с. 7].

Введенный в практику «институт заложничества» по плану ВЧК должен был служить своеобразной гарантией непричинения вреда

революционерам, захваченным в плен белогвардейцами, в обмен на непричинение вреда заложникам, взятым органами ВЧК.

На Ставрополье после изгнания белых войск в середине февраля 1920 г. в качестве первого органа Советской власти был организован временный Ставропольский ревком, начала организовываться сеть уездных ЧК, затем вместо них – уездных политбюро. «В организационном отношении они подчинялись уездной милиции, а в оперативном – непосредственно Ставропольскому губернскому ЧК. Главными их задачами были борьба с бандитизмом, контрреволюцией и духовенством. Правом внесудебного рассмотрения следственных дел обладала только губернская чрезвычайная комиссия» [2, с. 15]. Однако запретом на внесудебные расправы и местные ЧК, и милиция зачастую пренебрегали.

Сразу после организации чрезвычайных органов для них в большом масштабе появилась и «работа». Поскольку на территории Ставропольской губернии после взятия большевиками власти были распространены практики различного рода реквизиций и началась проводиться политика продразверстки, возникло массовое недовольство. Уже с лета 1920 г. обстановка обострилась и вылилась в многократное усиление повстанческого движения, которое, в свою очередь, породило антисоветские и уголовные формирования, взрывоопасный рост преступности.

На Кубани большевистская власть была установлена военным путем после изгнания последних белогвардейцев в марте 1920 года. Для своего окончательного утверждения она была готова принять на себя ответственность за самые решительные меры, применяемые к тем, кто с ней не согласен, а также к бывшим военнослужащим Белой армии и всем замеченным в сочувствии к ним, оказывавшим им разного рода поддержку.

«Как известно, уголовный элемент по занятии Екатеринодара красными войсками в марте 1920 года оказался весь на свободе. Он быстро сориентировался в новой обстановке и принял энергичное участие, уже с

партийными билетами, в ликвидации буржуазии, т.е. в убийствах и ограблении» [3, с. 57].

При смене власти, как показывает история, различный уголовный элемент в условиях безвластия часто обретает свободу и усиливает свою противоправную деятельность. Иногда он мимикрирует, делает вид, что поддерживает новую власть, для осуществления своих целей.

Уничтожение уголовщины и бандитизма – прямая обязанность любых властей посредством правоохранительных органов. Таким образом, органы ЧК были призваны бороться не только с контрреволюцией, но и с обычной уголовщиной.

«Осенью 1920 г. было издано постановление, разрешающее Губернским ревтрибуналам и органам ЧК осуществлять репрессии с правом непосредственного исполнения приговора до расстрела включительно» [10, с. 392].

Репрессии разного содержания (как подразумевалось) в первую очередь были направлены против отвергавших Советскую власть идейных противников и вооруженных контрреволюционеров, а также против бандитских и уголовных группировок, массово возникших в условиях безвластия или слабой государственной власти.

Исходя из установок правящей РКП(б), власти усилили свою активность по борьбе и дальнейшей полной ликвидации повстанчества. С этой целью (по задумке как временную и исключительную меру) они начали широко использовать методы террора, иногда прямой направленности, против мирного населения.

Так, осенью 1920 г. в станице Гиагинской, местная чрезвычайная тройка постановила взять в заложники 66 местных жителей, что и было сделано. Сама тройка являлась органом незаконным, никем не уполномоченным на подобные действия (самопровозглашенным), действовавшим на свой страх и риск.

Все лица, взятые в заложники, через некоторое время были освобождены. В этом деле конец был счастливым, никто не пострадал и не был расстрелян [7, с. 39]. Но такие явления случались сплошь и рядом, и далеко не всегда оканчивались благополучно, без жертв.

Конечно же, взятие граждан в заложники постепенно стало довольно обыденным делом. Однако, как было выше сказано, не только органы ВЧК брали в заложники. На первом этапе укрепления Советской власти, в ходе ожесточенной борьбы с повстанцами и «бело-зелеными», этим занимались и различного рода нелегитимные, и даже самозваные органы.

Борьба с повстанцами затянулась вплоть до 1924–1925 гг. Однако организованное сопротивление, включающее в себя именно массовую вооруженную составляющую, в основном было жестко подавлено с помощью армейских подразделений уже на рубеже 1921–1922 гг.

«По мере укрепления власти и перехода к мирному строительству стало очевидным отсутствие правовой основы деятельности ВЧК, ошибки и злоупотребления органов ЧК на местах. 6 февраля 1922 г., решением IX съезда Советов и Декрета ВЦИК ВЧК и ее местные органы упразднялись. При НКВД было создано Государственное Политическое управление (ГПУ) с задачей охраны железнодорожных путей, борьбы с контрреволюцией и шпионажем, незаконным переходом границ» [2, с. 16-17].

С поставленной задачей, в принципе, Чрезвычайные комиссии справились. Социальное положение на Кубани и Ставрополье, да и по всей стране в целом было стабилизировано. Власть РКП(б) окрепла настолько, что ей реально ничего не угрожало.

В тоже время уголовными преступлениями и бандитскими проявлениями, организованными и неорганизованными, которые необходимо отделить от повстанческого движения, стали заниматься, как это и должно быть, милиция и следственно-судебные органы.

И еще один вывод, которого придерживаются многие исследователи данной темы: «Главной причиной спада повстанческого движения к 1925 г.

была не деятельность органов местных ЧК, а изменение курса большевистского правительства, начавшееся с весны 1921 г., когда продразверстка была заменена продовольственным налогом» [2, с. 16].

Жертвами этого гражданского противостояния в масштабах всей страны с обеих противоборствующих сторон стали многие тысячи погибших и искалеченных, высланных с места жительства, репрессированных, лишенных гражданских прав «бывших» жителей. Сильно пострадали во время этого драматичного противостояния и жители Ставрополья и Кубани.

Что является неоспоримым фактом, это то, что по существу большая часть из них являлась мирными жителями, зачастую не интересовавшимися политикой обывателями, лишь волею судеб оказавшихся на чужой для новой власти «враждебной стороне».

Что касается уголовщины и бандитизма в исследуемом регионе, то и их уровень к 1924–1925 гг. тоже сильно снизился благодаря укреплению власти и работе правоохранительных органов РСФСР.

Список используемой литературы:

1. *Баранов, А.В.* Повстанческое движение «бело-зеленых» в казачьих областях Юга России (1920-1924 гг.) / А.В. Баранов // Альманах «Белая гвардия». – №8: Казачество России в белом движении. – С. 119-129.

2. *Булыгина, Т.А.* Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией на Ставрополье и Тереке в 1920-е годы / Т.А. Булыгина, В.В. Романов // Гуманитарные и юридические исследования. – 2014. – № 1. – С. 12-17.

3. Белый десант на Кубани. Август 1920 / сост. Д.И. Степанченко. – Краснодар: Сов. Кубань, 2000. – 64 с.

4. *Иванцов, И.Г.* Конфликт между членами партии военных и гражданских учреждений г. Анапы. / И.Г. Иванцов // Кайгородовские чтения. Материалы науч.-практ. конф. / науч. ред. И.И. Горлова, Н.Г. Щерба, С.Н. Криворотенко. – Краснодар, 2003. – Вып. 3. – С. 119-123.

5. *Иванцов, И.Г.* Как изменялся состав партийных организаций в 1920-х годах / И.Г. Иванцов // Интеграция науки и высшего образования в социально-культурной сфере: сборник научных трудов по материалам научно-практической конференции. – Краснодар; Геленджик, 2004. – Вып. 2. – С. 360-366.

6. *Иванцов, И.Г.* Роль органов внутрипартийного контроля правящей партии ВКП (б) в осуществлении планов реконструкции народного хозяйства во второй половине 20-х гг. XX века / И.Г. Иванцов // Интеграция науки и высшего образования в социально-культурной сфере: сборник научных трудов. Вып. 4. Т. 2. – Краснодар, 2006. – С. 405-411.

7. *Иванцов, И.Г.* Явление заложничества в Кубано-Черноморской области в 1920 году / И. Г. Иванцов // Культурная жизнь Юга России. – 2003. – № 4(6). – С. 38-39.

8. *Иванцов И.Г.* Социально-политическое положение на Кубани в 1920-1933 гг.: монография / И.Г. Иванцов, С.М. Сивков. – Краснодар: Южный институт менеджмента, 2008. – 118 с. // IPR SMART: [сайт]. – URL: https://www.iprbookshop.ru/9753.html (дата обращения: 26.04.2023).

9. Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917-1921 гг.: сборник документов. – М.: Госполитиздат, 1958. – 511 с.

10. История Кубани с древнейших времен до конца XX века: учебник для высших учебных заведений. – Краснодар: ОИПЦ «Перспективы образования», 2004. – 400 с.

11. Красная книга ВЧК. Т.1. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1989. – 416 с.

12. *Кривенко, М.В.* Массовый террор в России и на юге государства в 1918 - 1920 гг.: истоки, механизмы, последствия: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / М.В. Кривенко. – Пятигорск, 2007. – 25 с.

13. *Сивков, С.М.* Террор органов советской власти Кубани и Причерноморья в начальный период гражданской войны / С.М. Сивков //

Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР: материалы I региональной научной конференции. – Краснодар, 2003. – С. 10-16.

14. *Черкасов, А.А.* Институт заложничества на Кубани и Черноморье в 1920-1922 гг / А. А. Черкасов // Вопросы истории. – 2004. – № 10. – С. 106-113.

15. *Черкасов, А.А.* К вопросу о красном терроре на территории Кубани и Черноморья в 1920-1922 гг. / А.А. Черкасов, О.Ю. Чекерес // История и историки в контексте времени. – 2004. – № 2. – С. 55-73.

16. *Черкасов, А.А.* Гражданская война на Кубани и Черноморье (1917 – 1922 гг.): «третья сила» в социально-политическом противостоянии: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / А.А. Черкасов. – Ставрополь, 2007. – 56 с.

17. *Черкасов, А.А.* Заложничество как средство воздействия на бело-зеленую оппозицию на Кубани и Черноморье в 1921-1922 гг. / А.А. Черкасов. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2004. – 115 с.